

Вырастив такого красивого лиса, ежедневная задача поцелуев уже не требовала особых усилий, она выполнялась сама собой. Он с радостью шёл по пути, ведущему к тому, чтобы быть согнутым, но вместо ожидаемого финала отправлялся напрямиком в обитель Яньло.

Сначала ещё была надежда, что тиран спасёт его, но, подумав, он понял: Цзин Шо, лишённый реальной власти марионетка, уже заплатил высокую цену за прошлое спасение. Просить его снова помочь — слишком многого требовать.

Дуань Юньшэнь продолжал размышлять, пока солнце не скрылось за горизонтом. Ужин принесли, но он не решился его есть.

Вечером принесли горячую воду. Он умылся и лёг в постель.

Но заснуть не удавалось. Подумав о своих шансах на выживание, он понял, что они практически равны нулю.

Даже если бы он смог сбежать из Палаты Дали под покровом ночи, его статус подозреваемого затруднил бы возвращение во дворец. К тому же планирование побега не вписывалось в его жизненную философию «лежащего камня».

«Камень» перевернулся на кровати.

— Но я не хочу умирать!

Когда они были вместе, он не замечал, но теперь, в разлуке, он понял, что скучает по тому лису. Если бы он был во дворце, сейчас он бы залез к нему в объятия.

«Камень» не мог заснуть, снова перевернулся.

«Может, написать тирану предсмертную записку? Чтобы хоть как-то оправдать время, проведённое вместе».

Дуань Юньшэнь встал, поискал вокруг бумагу и кисть, но не нашёл, поэтому попросил слугу принести их.

Он всего лишь подозреваемый, не собирается отправлять сообщение, но написать предсмертную записку, наверное, можно?

Слуга спросил разрешения у Сюй Мэна, главы Палаты Дали. Услышав, что наложница Юнь хочет написать предсмертную записку, Сюй Мэн, хотя и почувствовал неловкость, всё же разрешил.

Вскоре бумага и кисть были доставлены. Дуань Юньшэнь взял кисть, не обращая внимания на то, что его каллиграфия была плохой, и написал всё, что пришло в голову. Закончив, он подул на чернила, сложил записку и спрятал её за пазухой.

Теперь он был спокоен и вернулся в постель.

«Даже если умру, хотя бы оставлю тирану свои слова».

В полузабытьи, около полуночи, Дуань Юньшэню почудилось, что кто-то сидит у его изголовья. Он испугался, но, к сожалению, был настолько погружён в сон, что не мог проснуться, словно был скован.

Он почувствовал, как кто-то дотронулся до его щеки, а затем поправил одеяло.

Но, поправляя одеяло, тот случайно коснулся его груди и, почувствовав неровность из-за спрятанной бумаги, с любопытством потрогал её. Убедившись, что это не иллюзия, он вытащил предсмертную записку.

Дуань Юньшэнь: «!»

Он хотел закричать, чтобы остановить его, или просто вырвать записку обратно, но, к сожалению, был настолько скован сном, что даже не мог открыть глаза, не говоря уже о том, чтобы протянуть руку.

Тот человек, кажется, заметил, что Дуань Юньшэнь спит беспокойно, и успокаивающе погладил его по голове.

Сознание Дуань Юньшэня было на пределе, он больше не мог сопротивляться и, волнуясь, снова погрузился в сон.

На следующее утро, проснувшись, Дуань Юньшэнь первым делом проверил, на месте ли записка. К счастью, она была там, значит, прошлая ночь была всего лишь смутным сном.

Чжоу Буюй, чтобы защитить своего князя, изначально разместил людей у ворот Палаты Дали.

Но это было всего лишь мерой предосторожности. Се Ханьсинь в первую ночь не предпринял никаких действий, и, вероятно, не сделал бы этого и во вторую ночь.

Он так и думал.

Но, к его удивлению, во вторую ночь произошёл инцидент. Говорили, что какой-то таинственный человек прорвал их оборону, ранил нескольких их людей и проник в Палату Дали.

Чжоу Буюй был шокирован и поспешил спросить:

— С князем всё в порядке?

Цзин И, конечно, был в порядке. Он спал спокойно.

[Системное сообщение: Автор застрял на сюжете, сегодня берёт выходной, чтобы всё обдумать, и пишет небольшой дополнительный рассказ, чтобы развлечь читателей.]

[Авторское примечание: Дополнительный рассказ будет в примечаниях, он не требует больших затрат. Люблю вас, целую.]

В одном из временных отрезков у Цзин Шо и Дуань Юньшэня родился ребёнок, совсем маленький, мальчик. Розовенький, пухленький, с круглыми глазками, ещё не сформировавшийся, но уже с намёком на черты Цзин Шо. Подрастая, он стал вылитым отцом.

Это сходство привело к тому, что несчастный ребёнок с года до десяти лет не мог получить никаких поблажек от Цзин Шо.

Почему с года до десяти?

В этом возрасте дети неугомонны, ничего не понимают и капризны, указывают на звёзды, а хотят луну.

Если бы ребёнок был похож на Дуань Юньшэня, то, заплакав, он мог бы заставить Цзин Шо приказать достать луну с неба.

Но раз он похож на самого Цзин Шо... пусть плачет. Будущий правитель государства хочет луну? Детство, несолидно, ему не хватает строгого воспитания!

Дуань Юньшэнь же был другим. Когда он был беременен, он сильно переживал, не мог преодолеть психологический барьер, что мужчина должен рожать.

Он думал: «Это наказание за импульсивность! Кто бы мог подумать, что несколько месяцев назад я был молодым юношей, а теперь стал матерью ребёнка».

Переживания, переживания, из-за которых он плохо ел и спал. Каждый день думал: «Почему бы тирану не родить ребёнка? Почему бы историям, где главный герой рождает, не стать популярными на Цзиньцзян? Если бы они стали популярными, я бы не оказался в такой ситуации!»

После рождения ребёнка отношение Дуань Юньшэня изменилось на 180 градусов. Он стал прекрасным отцом, любящим, но не балующим.

Это хорошо дополняло Цзин Шо, который был строг с ребёнком и никогда не проявлял открытой заботы, был очень серьёзным.

Дуань Юньшэнь же был готов на всё, лишь бы ребёнок не нарушал общепринятых моральных норм. Немного капризничать — ничего страшного. Как только ребёнок начинал плакать, он сразу же успокаивал его.

И, будучи по натуре «лежачим камнем», он относился к воспитанию ребёнка проще, считая, что самое важное — это чтобы ребёнку нравилось, не обязательно быть лучшим во всём. Он каждый день помогал ребёнку справляться с Цзин Шо, чтобы тот не пугался, когда отец проверял его уроки.

Цзин Шо был строг, но не наказывал: не бил по рукам и не заставлял голодать. Но он пугал — его суровый взгляд и бесстрастное выражение лица заставляли ребёнка трепетать.

Однажды, проверяя уроки, они сидели в той самой комнате, где Цзин Шо когда-то был под домашним арестом.

На этот раз за столом из красного сандала сидел ребёнок Цзин Шо, а сам Цзин Шо стоял напротив, проверяя, как он повторяет урок.

Дуань Юньшэнь заранее договорился с ребёнком и спрятался под столом, чтобы подсказывать.

Когда ребёнок закончил, Цзин Шо велел ему выйти.

Дуань Юньшэнь ждал, когда Цзин Шо тоже выйдет, чтобы он мог выбраться и ускользнуть.

Но Цзин Шо не уходил. Он отослал слуг и один стоял в комнате, ожидая.

Дуань Юньшэнь: «??!!»

Он понял, что, возможно, его обнаружили, но упорно не хотел выходить.

Цзин Шо подождал немного, затем подошёл к другой стороне стола, опустился на одно колено и заглянул под стол.

Дуань Юньшэнь: «...»

Дуань Юньшэнь:

— Ха-ха, какая встреча!

Цзин Шо:

— Даю любимой наложнице ещё один шанс. Что ты скажешь?

Дуань Юньшэнь: «...»

«Что сказать?!»

Он выскочил из-под стола, как голодный тигр, и повалил Цзин Шо на пол.

Цзин Шо смотрел на него снизу, а Дуань Юньшэнь начал целовать его в щёку.

У него был большой опыт в том, как угодить Цзин Шо, и слова были менее эффективны, чем действия.

Конечно, после поцелуев не он решал, когда всё закончится. И... он провёл несколько часов, сидя на Цзин Шо, не в силах встать.

Через несколько часов Цзин Шо, уже одетый, открыл дверь и велел слуге принести костюм императрицы.

О, и ещё одна вещь.

<http://bllate.org/book/16211/1455832>